

Журнал Пионер

№3 за 1988 год

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №3 за 1988 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44503-0

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44503-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

изогнутый, — с достоинством париринал Гайдар. — Ты же сам должен понимать, что в магнитном поле курьей аномалии стрелка компаса отклонялась. Мастер, который руководил работами, знать об этом не мог!

— Говорят, что были пленные чеченцы, и Барятинский, чтоб не раскрылась тайна, отправил их на Мадагаскар, — сказал Асеев.

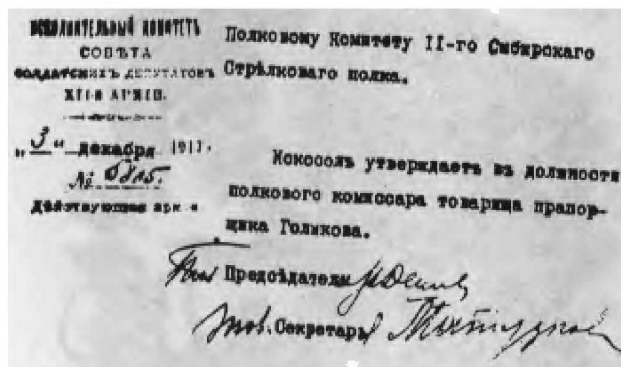
— Ничего подобного. Они доплыли в Французскую Гвинею. Ведь Барятинский был послом в Париже.

Разговор с каждым моментом становился все более и более захватывающим. Асеев придвинул к себе бумажную салфетку и начертил на ней план. Мороженое на блюдечке таяло. Я слушал с жадным интересом.

— Что же касается оружия и сокровищ...

Первым, взглянув на мои горящие глаза и полуоткрытый рот, рассмеялся Асеев. И я понял, что все это шутка, розыгрыш. Понял и обиделся.

Документ об утверждении Петра Исидоровича в должности полкового комиссара.

Прощавшись с Николаем Николаевичем, мы с отцом вышли из Клуба. Уже у Кудринской площади, когда обидка немножко улеглась, а любопытство по-прежнему не давало покоя, спросил:

— Про Барятинского и Шамиля тоже все неправда?

— Святая правда, — сказал отец. — Князь и имам — враги и друзья. Оба отчаянные храбрецы. Знаешь, Барятинский еще молодым офицером в атаке был ранен в плечо. Перехватил саблю в другую руку, встревожил шпорами коня: «Вперед, орлы!»

...Снились, долго снились мне отвесные скалы аула Гуниб, каменный загон для скота, из-за которого отстреливались горцы, обходная тропа на круче, «башня Шамиля» во Льгове... Видел я во сне и груды оружия. Оно поблескивало при свете факела красными искрами, как утасаживающий костер...

В семье Льгов вспоминали счастливой порой. Росла семья. В девятьсот пятом году у Аркадия появилась сестра Наташа, через три года — Ольга. Жили небогато, но, как говорится, в любви и дружбе. Много работали, много читали. Книг в доме всегда было в достатке. Поднимался яблоневый сад, саженцы для которого любовно отобрал Аристарх Богомолов. Подрастали дети. Под деревьями стояли ульи с пчелами. Вечерами, уложив малышей, Наталья Аркадьевна помогала мужу изучать французский язык. Она владела им свободно. Иногда, вспомнив отцовское ремесло, Петр Исидорович становился за верстак.

«Когда позднее мы с братом старались воссоздать в памяти что-нибудь из льговской жизни, — писала Наталья Петровна, — то ясно помнили этот верстак, домики с пчелами и еще отчетливо помнили небольшие, двигавшиеся под потолком огромного здания вагончики, и как каждый вагончик, дойдя до определенного места, опрокидывался, а внизу в этом месте росла огромная куча жомы — выжатой сахарной свеклы».

Осенью 1908 года Голиковы внезапно покидают Льгов. Навсегда. Оставлено обжитое уютное гнездо. Едва успели попрощаться с друзьями.

Два месяца спустя в деревню Карасевку и во Льгов приходят письма. Откуда-то с Волги из поселка Вариха при нефтеперегонном заводе Саркисова. В конверты вложены фотографии. «На добрую память Аристарху Ивановичу Богомолову — его семье от П. Голикова». Такая же карточка льговскому учителю: «Своему другу Ф. С. Симоно-

ву от сбежавшего соратника П. Голикова». Рукой Натальи Аркадьевны приписано: «Не забывайте меня».

На снимке Петр Исидорович сидит на стуле, он в белой косоворотке, в пиджаке. Наталью Аркадьевну фотограф поставил рядом, видимо, чтобы меньше была заметна разница в росте — мужу она по плечо.

Но почему «от сбежавшего»? Что случилось?

Как известно, после Декабрьского вооруженного восстания в Москве первая русская революция пошла на убыль. Усилились репрессии в охваченной крестьянскими волнениями Курской губернии. Арестован Курский комитет РСДРП. В Льгове тоже аресты. Казацья сотня размещалась в имении князя Барятинского.

Вспоминает Е. И. Тихонова, член РСДРП с 1904 года:

«Июль и август пролетели в скитаниях по селам. Пришло осеннее ненастье, и я в полной мере поняла, отчего «волчий билет» считают пострашнее ссылки. Месяцами не могла видаться с товарищами, опасаясь провалить их. Часто не знала, где заночевать...

На помощь пришли Голиковы. Провела я в их доме больше недели. В иные дни приходилось часами отсиживаться в чулане-столярне... Провожая меня в дорогу, Наталья Аркадьевна вручила мне свое темно-синее шерстяное платье, плюшевый жакет, теплый серый капор. Мальчуган молча наблюдал эту сцену и вдруг серьезно так заявил: «Вот вырасту, куплю тебе, тетя Дуся...»

В вечерних сумерках Петр Исидорович проводил меня до станции...

Почти сразу уехали из Льгова и Голиковы. Может, кто-то подал им тревожный сигнал.

В январе 1909 года Голиковы перебрались в Нижний Новгород. Петр Исидорович стал старшим контролером акцизного управления. И даже получил чин, правда, самый низший в служебной иерархии Российской империи — коллежского регистратора. Родилась младшая дочка — Катя.

Гуляли с отцом по Откосу. На Волге буксиры, тяжелые баржи, белые нарядные пароходики, которые почему-то назывались «финляндчики». Внизу, под кручей, — портовая суета. Бегут по сходням грузчики, прогибаются под ногами доски. Арбузы кидают из рук в руки. Полосатые ядра мелькают в воздухе. Вырастают на берегу зеленые пирамиды.

Рядом с домом на Варварке пересыльная тюрьма. Из окон видно, как бредут серые колонны арестантов. Поблескивают штыки.

— Папа, это плохие, злые люди? — спрашивает Аркадий.

— Они люди. Есть плохие, есть хорошие, как всюду.

Шел 1912 год. Аркадию девятый год, он выдумщик, фантазер, заводила. Благо под рукой сестренки, есть кем командовать. Сдвинуты, связаны между собой стулья. Пассажиры — Наташа, Ольга, маленькую Катю, к сожалению, еще не усадишь — заняли места. Рывкнул паровоз, застучали колеса, «дорога железная, длинная, длинная...»

Куда мчит поезд? Ведомо об этом до времени лишь Аркадию. Он может доставить сестренку в долину Нила, в джунгли Амазонки или в прерии дикого Запада... Случалось остановиться в сердце

пустыни Сахары. Вести себя нужно соответственно.

«Аркадий усаживал нас на пол, накрывал с головой платком на случай пыльной бури — самума, а сам уходил разыскивать оазис, чтобы добыть нам воду».

Визжу, как шагает по пескам, взбирается на барханы девятилетний Аркадий Голиков. И сам спешу за ним. Вслед. Мне хочется разделить его детские радости и печали, понять, «как оно все начиналось, продолжалось»...

С каждым шагом и с каждым годом его след все ясней и отчетливей.

...Наталья Аркадьевна успешно выдержала экзамены при Казанском университете, получила свидетельство «повивальной бабки первого разряда». Свободная вакансия оказалась в больнице Арзамаса. Петр Исидорович подал прошение. Начальство согласилось на его перевод.

Мне кажется, что спокойную, неспешную фразу, которой начинается повесть Аркадия Гайдара «Школа» я знал всегда, по крайней мере с тех пор, как себя помню.

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженный ветхими заборами...»

Он и сейчас не слишком-то изменился. Переименованы улицы, Стрелецкая стала Первомайской, Новоplotинная — Горького, Сальникова, где по вечерам гуляли горожане, называется теперь Карла Маркса... Но по-прежнему стоят вдоль улиц бревенчатые, пепельно-серые домики с резными наличниками, между ними втиснулись каменные двухэтажные, купеческие, в которых жилье было наверху, а в первом этаже — лабаз или лавка. Встречаются дворянские особняки, чаще тоже деревянные, но с колоннами.

В некоторых из них размещены теперь городские и районные учреждения. Трехэтажное здание бывшего Арзамасского реального училища, в котором учился Аркадий Голиков, занимают горком и горисполком.

Новостройки не тронули центра. Они поднялись на окраинах.

Последний раз мне довелось побывать в Арзамасе в трескучие крещенские морозы. Белый дым уходил столбами в малиновое небо. Иней обметал деревья. Казалось, город закутался в кружева, в те самые, когда-то знаменитые тончайшие кружева, которые плели монахини здешнего Алексеевского монастыря.

Сначала Голиковы сняли несколько комнат в доме Телешовых на Большой улице рядом с особняком купца Вязового. Но там оказалось холодно, да и дороговато. Кроме того, Наталья Аркадьевна предпочитала, чтобы квартира, пусть и поменьше, зато была отдельная. Такую нашли — домик в три окна на углу Новой и Новоplotинной улиц. Принадлежал он учителям Бабакиным, которые жили в том же дворе. У них дом большой, двухэтажный, низ каменный, верх деревянный. А еще — два сарая, хлев, ледники, огород, сад...

Во дворе — ребячий гомон. У Бабакиных семеро детей, у Голиковых — четверо. Постоянно крутятся здесь и друзья Аркадия.

Два раза в день доят коров. Ведра с молоком ставят под навес. Там глубокая яма, набитая льдом и засыпанная сверху соломой. Белье несут полоскать в Сорокинский пруд. Это рядом, через

дыру в заборе вниз по тропинке мимо дома доктора Гольдина. У ребят игры: лапта, прятки, казаки-разбойники... С лаем носится за ними пес Аркадия по кличке Каштан. Поначалу он именовался Каштанкой. Взлетает на забор перепуганный кот, которого Аркадий не переименовал, так и оставшийся Милитрисой Кирибьевной...

По вечерам во дворе дымят самовары. Взрослые иногда поют. Потом все стихает. Но ночью частенько к дому подъезжают повозки. Кто-то стучит в окно. Захватив саквояж, Наталья Аркадьевна отправляется по своим акушерским делам.

После разговора с Александрой Ивановной Бабакиной я остался в бывшем доме Голиковых один. Когда ушли посетители, нет экскурсоводов, все выглядит иначе. Будто унесли они с собой сегодняшний день, а в дом вернулись прежние времена.

Деревянный крашенный пол с потертыми половичками, беленная известью печь, за маленькой кухней — комната Аркадия. Над койкой карта «Пограничные области России, Австрии и Германии». Рядом полочка с книгами. Тоголь, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Шиллер...

В гостиной возле двери в спальню родителей стоит фисгармония. Ее желтые клавиши и медные рычажки отражаются в зеркале. Смотрит со стены оправленная в раму репродукция портрета Льва Толстого. Портрет прекрасный, репинский. Внимательный и строгий взгляд из-под кустистых бровей, тяжелые ладони засунуты под шнурок, которым подпоясана просторная рубашка.

Зеркало Натальи Аркадьевны висит между окнами. За десятилетия оно потускнело, словно прикрыто темной вуалью. Всматриваешься, и начинает казаться, что в его глубине, за толстым стеклом, за вуалью движутся какие-то неясные тени. Чем дольше смотришь, тем они ясней, отчетливей...

Грузный человек в трусах стоит на берегу, что-то кричит, смеется... Ну да, конечно! Это тридцатый год, подмосковный поселок Кунцево, его пруд, огромный, как море. Человек на берегу — Эдуард Багрицкий. Мы его не слушаем, мы увлечены, мы втроем — отец, я и сын Багрицкого — Всеволод — ловим тритонов и запускаем их в стеклянную банку.

Любовь ко всякой «нечисти» Аркадий Гайдар пронес через всю жизнь. Летом тридцать девятого идем по арбатской улице. «Давай заглянем», — говорит он, открывая дверь зоомагазина. — Может, что и приглянется!»

О дальнейшем узнал после войны от детской поэтессы Агнии Львовны Барто.

«Однажды встречаю Аркадия. Идет по коридору «Детиздата», серьезный, озабоченный. «Здравствуй!», «Здравствуй!». Вынул из кармана руку, а в кулаке — змея! Я оцепенела. А он: «Ужик это, товарищ Барто. Обычный и симпатичный. Тебе, так и быть, скажу. А вот главному бухгалтеру — в зависимости от ее поведения». Он шел в бухгалтерию, чтобы получить гонорар в невыплатный день».

Но это было куда позже. А сейчас перед моими глазами снова Кунцево. Спряталось солнце. Мы шагаем с отцом по лесной тропе. У него в зубах трубка. Ремень полевой сумки переброшен через плечо.

Оружие при мне: деревянный кинжал в жестяных ножнах. Я одет в черкеску. На груди газыри.

Отец спрятал трубку, откашлялся, запел печально:

*Ни дорог, ни путей —
Заблудились мы...*

Песня мне не нравится. Невольно прижимаюсь к его ноге, беру за руку.

— Ты что, Тимур, испугался?

Знаю — сказать «испугался» нельзя. Конец уважению, а значит, и дружбе.

— Нет, папка, не испугался.

Однако неправду тоже нельзя. Также конец дружбе. Со вздохом добавляю:

— Ну разве совсем капельку.

— Вот и хорошо, что не испугался! Вот и славно!

Он великодушно не замечает последних слов, произнесенных шепотом.

— Понимаешь, такое дело, спички обронил. Ты подожди здесь, пожалуйста.

Его нет долго. Слишком долго. Стою, зажав рукоятку кинжала. Какие-то шорохи. Хруст сушья. И вроде не в той стороне, где он скрылся... Вот-вот брызнут слезы страха и обиды.

— Извини, Тимур. Не сразу нашел. Темновато.

— Ничего, папка.

— Давай возьму тебя на руки. Как бы нам от мамки не попалю.

Легко вскидывает меня на плечо. Шагает быстро. Слышу, как он что-то про себя бормочет и довольный чем-то похмыкивает. Вот, наконец, и дом. Тепло, светло, полная безопасность...

Сначала, конечно, нас отругали. Но за ужином ласково светятся мамыны карие глаза. Отец читает стихи, которые сочинил по дороге:

*Время близко к ночи. Мрачен темный лес.
Я и мой сыночек — маленький черкес.
Месяц непотушенный на небе глядит,
Злюшина-лягушина у ручья сидит,
Злишина-совишина хлопает крылом,
Зледица-медведина дышит тяжело...*

Читает негромко, не пугая, докладывает обстановку, и снова недавние страхи подступают к застекленной веранде. Но вот потеплел голос, окрасился улыбкой, немножечко насмешливой и все же не обидной:

*Только нам не страшно. Мы с Тимуром двое.
Оба мы — Гайдари, оба мы — герои.
Он рукою смелой вытащит кинжал,
Злюшины-зверюшины мигом задрожат...*

Маме стихи тоже нравятся. Но взгляд ее становится чуть настороженным, вопросительным. Может, не случайно опоздание к ужину?

Ничего она от нас не узнает. Не женское это дело...

Потом — другое. Зеленая, прогретая солнцем поляна в сосновом лесу на склоне холма. Запах смолы смешался с запахом земляники. Брожу босиком, собирая в пригоршню красные ягодки. Отец прилег, задумался.

Мой отчаянный вопль заставляет его вскочить на ноги. Подбежал ко мне, поглядел в траву и... Смеется!

Тогда он меня и научил с первого взгляда отличать ужа от гадюки.

Это было в тридцать четвертом. Мы жили в селе Ивна. В окна заглядывали серебристые ели.

Вот они покачиваются за стеклами... темнеют... растворяются в серебре... И снова в старом зерка-

ле арзамасского дома Голиковых поблескивают желтые клавиши и медные пуговицы фисгармонии.

К Петру Исидоровичу в 11-й сибирский полк идут письма. В них много сыновней нежности, любви.

«Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать, далеко-далеко, чтобы поезд уносил меня подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал...»

Милое детское письмо. Такое мог бы написать любимому отцу любой грамотный и душевный мальчик. А вот следующее, отправленное Аркадием не позднее, чем три месяца спустя.

«Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию, и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, солдат, отношение к большевикам, к Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы.

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как они вообще смотрят на текущие события? Неужели «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке».

Аркадию по-прежнему 13 лет. Что же случилось с ним за минувшие 3 месяца? Откуда такая не по возрасту серьезность и зрелость? И как объяснить, почему вдруг его жизнь набрала такой необычайный темп?

Ему тринадцать. Но он рослый, сильный, широкоплечий. Не по возрасту начитан. На вопрос анкеты «Твое любимое занятие?» ответил коротко и исчерпывающе: «Книга». В списке любимых писателей на первом месте поставил своего кумира — Гоголя. Далее идут Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гончаров, Достоевский, Короленко, Шекспир, Марк Твен... В школьном дневнике упомянуты труды Чарльза Дарвина, «История цивилизации в Англии» Бокля. Преподаватель математики реального училища Михаил Нестерович Онищенко вспоминает:

«...Пришел с просьбой рекомендовать ему книгу по истории математики древнего и современного периода, что я и выполнил тут же, передав ему элементарную историю математики».

При всем этом Аркадий, как я уже говорил, вовсе не тихий «книжный» мальчик. Решителен. Полон жажды деятельности. Привык к большей, чем многие из его сверстников, самостоятельности. Выступает у них вожаком.

В сентябре 1917 года на первых выборах классного комитета получил наибольшее — двадцать из тридцати четырех — число голосов.

«Нас теперь не оставляют «без обеда», — с гордостью сообщает Аркадий отцу. — Постараемся провести в этом году, чтобы один представитель нашего четвертого класса присутствовал на родительском совете, хотя бы с правом совещательного голоса... Ведь о учениках же решают, как же ученикам не знать того, что о них решают?»

Сетуе:

«У нас в училище все учителя — кадеты, пу и столкнись с ними!»

С должной солидностью добавляет:

«Пишу тебе об этом, надеясь, что тебе интересно знать, каковы наши первые организации».

И вот, наконец, вырывается на страницу письма заветное: «Ведь у вас полковые комитеты не диво: там все взрослые, между тем как у нас все еще только ученики четвертого класса».

В другом письме:

«Я бы с удовольствием уехал отсюда».

Аркадию уже тесно там, где «только ученики четвертого класса». Он рвется в большой, бурлящий мир. Он внутренне готов к этому. И время идет ему навстречу.

Так они и встретились, веселое, грозное, с огнем в воздухе и тучами на небосводе время революции и широкоплечий голубоглазый 14-летний мальчишка, готовый кинуться без оглядки в водоворот надвигавшихся событий.

Аркадий с сестрами — Наташей, Ольгой и Катей.
Арзамас, 1914 год.

Когда летом 1917 года тринадцатилетний реалист Аркадий Голиков впервые переступил порог дома, где размещался клуб и комитет арзамасских большевиков, он увидел знакомые лица. Николай Березин, Павел Коляда, Евгений Гоппиус нынешней весной закончили училище, они старше Аркадия на четыре года, реалист Петя Цибышев — тот уж просто приятель. Аркадий в четвертом классе, Петр — в шестом...

Не исключено, что, если бы революция застала Аркадия Голикова в каком-нибудь другом городе, большом, где много рабочих, крепкая, с давними традициями, партийная организация, жизнь его могла сложиться как-то иначе. Но здесь каждый грамотный, толковый, энергичный паренек нужен, полезен, на виду.

Работы много. На двух вокзалах, через которые идут военные эшелоны, в госпитале среди раненых, в бараках под Арзамасом, где размещены пленные австрийцы, — повсюду есть дело. Да еще волнуются, бурлят, требуют прислать ораторов окрестные села.

Аркадий выполняет поручения.

«Стал у нас вроде связного и разведчика, — вспоминает Надежда Ивановна Николаева, член комитета партии, — ходил по городу, узнавал, где какой митинг. Потом вызвался патрулировать улицы».

Начались месяцы стремительного взросления Аркадия Голикова.

В августе 1918 года Аркадий Голиков подает заявление:

«В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня...»

Рекомендации он получил от рабочего, молотобойца Сормовского завода, члена партии с 1904 года Федора Алексеевича Вавилова, направленного из Нижнего Новгорода в Арзамас на укрепление укома, и от Марии Валериановны Гоппиус.

29 августа уком постановляет:

«Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания».

Через два дня Федор Вавилов избран председателем уездного комитета партии, Николай Бере-

зин — секретарем. Аркадий Голиков начинает работать делопроизводителем укома.

Советская республика в кольце фронтов. Войска Антанты высадились в Мурманске, Владивостоке, немцы оккупировали Крым, заняли Новороссийск, на Дону белоказаки генерала Краснова, на Кубани — деникинцы. Подняли мятеж белочехи. Их эшелоны тянутся от Сибири к Пензе, к Казани...

На какое-то время Арзамас становится одним из важнейших военных центров революции. Аркадий Голиков отмечает в дневнике:

«К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро — к стрельбе. Днем по городу носятся автомобили, изредка пролетают аэропланы, ночью прожектор внимательно осматривает небо. Жизнь Совета идет своим чередом».

15 декабря 1918 года уездный комитет принимает Аркадия Голикова полноправным членом РКП(б).

Отец не часто рассказывал о гражданской войне. Два рассказа отпечатались в моей памяти. Собственно говоря, оба не о войне — о митингах.

Август девятнадцатого года. На 6-х Киевских курсах краскомов досрочный выпуск. Деникинцы под стенами города. Перед молодыми командирами выступает наркомвоенмор Украины Николай Ильич Подвойский.

— Товарищи! Предстоят тяжелые бои. Некоторые из вас не выйдут живыми. Пусть же в память тех... в память молодых... павших за революцию, за счастье народа, — перехватило дыхание, он глотнул воздух. Холодок ужаса и восторга пробежал по шеренгам. — Пусть и в их честь оркестр...

Грянули медные трубы, строй подхватил: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

И еще вспоминал отец митинг на Соборной площади в Арзамасе.

Ряды красных латышских стрелков тянутся от Спас-Песковского монастыря к Воскресенскому собору. Напротив каменного дома купца Подсосова наспех сколочена невысокая трибуна. На ней — члены Реввоенсовета республики Кобзев, Данишевский, арзамасский военком Михаил Чувьрин. Еще какие-то незнакомые командиры...

Зажав в руке древко знамени, с трибуны спускается Иоаким Вацетис, командующий Восточным фронтом. Идет к стрелкам... Возвращается на трибуну.

«По-о-о-лк!.. К торжественному маршу... По-отно...»

Взметнулась, закружила над куполами черная туча испуганного воронья. Полк двинулся. Подрагивают штыки. Мелькают на рукавах шинелей красные полосы. Изредка, белым пятнышком, проплывает мимо трибуны бинт перевязки. И кажется, что не ветер, а несущая, как бы полетная мелодия «Прощания славянки» треплет над штыками полотнище знамени ВЦИК...

Ордена на знаменах, почетные наименования, звания гвардейских — все это в нашей армии будет позднее.

11 сентября 1918 года в Арзамасе на Соборной площади 5-й Земгальский полк красных латышских стрелков первым получил от республики ее первую боевую награду

Аркадий Голиков провожал полк на станцию, смотрел, как роты грузятся в теплушки. Над некоторыми, где народ порасторопнее, сразу заголубел уютный дымок.

Скоро Аркадий Голиков тоже уедет из Арзамаса, чтобы «сражаться за светлое царство социализма».

Теперь позабылся термин, которым определяли начальный период нашей гражданской войны. В ту пору Антанта, пока не капитулировала Германия, не успела еще широко развернуть интервенцию, по-настоящему ввязаться во внутренние дела России. Отряды белых были разрозненны и немногочисленны. Красная Армия формировалась. К апрелю восемнадцатого в ней меньше двухсот тысяч штыков.

Период этот назывался «эшелонная война». Боевые действия в основном велись вдоль железных дорог.

В штабе командующего обороной и охраной всех железных дорог республики Аркадий Голиков прослужил чуть больше трех месяцев. Сначала красноармеец-рядовой, потом получил повышение. Но все же просится на фронт. Командующий направляет его на учебу:

«Начальника команды связи штаба тов. Голикова Аркадия Петровича исключить из списков штаба с 20 марта с. г., с провиантского, приварочного, чайного довольствия с 22-го сего марта...»

И снова стучат на стыках рельсов, дымят трубами «буржук» красные теплушки.

*Прощайте, матери, отцы,
Прощайте, жены, дети.
Мы победим, народ за нас.
Да здравствуют Советы...*

Насчет жен и детей потому, что из хорошей песни слова не выкинешь. А вообще-то народ в эшелоне молодой, холостой — курсанты. Среди них — Аркадий Голиков. Недавно освобожден от петлюровцев Киев. Решено организовать там подготовку красных командиров для Южного фронта.

«Огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить в себя чуть ли не дивизию... В различных частях корпуса стали размещаться комсостав, его семьи, служащие, музкоманда, всевозможные цехгаузы, классы, кабинеты...»

Программа насыщена, времени на учебу мало. Тактика, топография, материальная часть оружия, связь... Кроме того, математика, русский язык, география... Ну и, конечно, строевая подготовка, занятия на местности, стрельба...

При всей плотности программы учебу то и дело приходится прерывать. Хотя главный фронт откатился к югу, но вокруг Киева действуют банды. Их много, есть и крупные. В банде Гончара, например, пять тысяч штыков, восемь орудий, почти два десятка пулеметов. То там, то здесь возникают внутренние фронты.

«16-го сего мая боевой отряд особого назначения, выделенный из состава вверенных мне курсов, отбыл к месту назначения», — докладывает начальник курсов командующему киевским боевым участком Павлу Андреевичу Павлову.

Во второй роте отряда под номером сто шестьдесят один значится Голиков Аркадий.

Полтора месяца отряд курсантов ведет бои против войска Григорьева — «атамана партизанов Херсонщины и Таврии». Не схватки, не стычки — первые в жизни Аркадия Голикова настоящие

бои. Были потом, правда, и покрупнее, посложнее, но и от тех, первых, остался у него след.

Под вечер шел один по перелеску из отряда в штаб. Шел беззаботно. На передовой затишье, а здесь и вовсе тыл... Неслышно, неожиданно догнали его на тропинке четверо отбившихся от части, заблудившихся мадьяр.

Мадьяры были свои — красные, и недоразумение быстро разъяснилось, расставаясь, даже улыбнулись друг другу... Но когда порой отец вдруг замолкал на полуслове, чуть бледнело лицо и сужались зрачки, значит, опять почувствовал, как в затылок уперлось дуло карабина, услышал щелчок затвора и чьи-то слова на неведомом языке.

23 августа 1919 года на 6-х Киевских курсах красных командиров досрочный выпуск. Присутствует наркомвоенмор Украины Подвойский. Просторный плац бывшего Владимирского Киевского кадетского корпуса. Шеренги молодых командиров. Слепящая медь оркестра на правом фланге.

Аркадий Голиков получает удостоверение краскома № 4377.

Новых командиров не распределяют по частям. Из выпуска сформирована Ударная бригада. Командирами батальонов и рот назначены преподаватели. Полурот и взводов — лучшие выпускники. Уже введены знаки различия: треугольнички, кубики, шпалы... На рукаве гимнастерки Аркадия Голикова красный кубик — взводный.

С плаца бригада выступает на фронт. Путь недалеко. Деникинцы и петлюровцы под стенами Киева. Воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии сосредоточены на Восточном фронте, они рвутся к городу.

27 августа в бою под Бояркой гибнет полуротный командир Яков Оксюз. Несколько дней назад на плацу вместе со всеми выпускниками он пел «Вы жертвою пали...». Аркадий Голиков занимает должность своего товарища.

31 августа части Красной Армии оставляют Киев.

Из автобиографии:

«Прошел 300 верст в составе арьергарда, прикрывавшего отступление наших войск, и вышел к Гомелю с ротой курсантов в семнадцать человек из ста восьмидесяти».

Весной 1920 года положение республики значительно улучшилось. На Западном фронте — затишье. Армия Колчака разбита. Деникин отброшен на юг. Часть его войск укрылась в Крыму, а основная группировка — за Доном и Маньчжем на Северном Кавказе. Там разворачиваются главные боевые действия.

25 марта 12 деникинских бронепоездов и артиллерия английских и французских кораблей пытались прикрыть отступление «Добровольческого корпуса» деникинцев к Новороссийску.

27 марта 9-я армия Уборевича ворвалась в город.

...Может быть, те, кому довелось бывать на Кавказском побережье Черного моря и ехать от Сочи на юг, помнят небольшую речку Псоу. Она пересекает шоссе за Адлером. У моста — стеклянная коробка поста ГАИ. По реке проходит граница между РСФСР и Грузией.

Весной и летом 1920 года здесь стояла 4-я рота 2-го батальона 303-го полка. Командовал ротой Аркадий Голиков.

Сторожевая служба. Смена караулов, дозоров, занятия с красноармейцами. Изредка — учебные стрельбы. Патроны приказано беречь.

Вскоре весь 303-й полк, поднятый по тревоге, грузился на станции Дагомыс в теплушки. Пункт назначения — станица Белореченская. Снова пылала Кубань.

«...Сзади и спереди зеленые банды... Я далеко! Мне часто вспоминается ваш Союз, его дружная жизнь», — пишет в перерыве между боями Аркадий Голиков в Арзамас своему другу Саше Плеско.

На Западном фронте белополяки перешли в наступление. Воспользовавшись этим, оживилась контрреволюция на юге России. На Северном Кавказе спустилась с гор так называемая «Армия возрождения России» генерала Фостикова. Высадились из Крыма десанты генералов Улагая, Черепова, Харламова.

«Живу по-волчьи, командую ротой, деремся с бандитами вовсю...» — из другого коритенького письма Аркадия Голикова, посланного в Арзамас из села Кабардинка.

Сохранились журналы боевых действий 303-го и 302-го полков 34-й дивизии 9-й армии, в которых он тогда воевал. Мелькают названия станиц, хуторов, урочищ. Синим карандашом подчеркнуты цифры потерь, своих и противника.

Вообще, что было бы мне известно о тех горячих месяцах на Кубани в предгорьях Кавказа, если бы не нашлись никакие документы?

Прежде всего — песня. Отец запевал:

*В боях, в дыму прошли мы,
Товарищи, друзья,
Кубанские долины,
Кавказские края.*

Я подхватывал:

*Нам грозы грохотали
И ветер завывал.
Когда мы занимали
Тубанский перевал.*

Потом обязательно вместе:

*Дороженька очень крутая,
Свет месяца голубой,
Прощай, сторона родная,
Мы в новый торопимся бой...*

Кроме того, сохранилось письмо Аркадия Гайдара к своему другу писателю Фраерману, посланное в январе 1935 года, когда Фраерман собрался ехать на Северный Кавказ.

«Когда будешь проезжать станицу Ширванскую (а ты ее никак не минуешь), то увидишь одинокую, остроу, как меч, скалу; под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть не опрокинутся, у меня убили лошадь».

И еще осталась фотография. В детстве моя самая любимая. Она и сейчас передо мной. Из-под сдвинутой к затылку папахи строго смотрит молодой командир с ремнями на широких, слегка покатых плечах и кавалерийской шашкой у пояса.

Вот таким в октябре 1920 года он и предстал перед мандатной комиссией Высших стрелковых курсов — «Выстрел». После очередной контузии оправился. У врачей претензий нет. Жизненный путь ясен: кадровый командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Ну, а литература?

Если он и думает о литературе, то скорее всего как о чем-то дополнительном, второстепенном. Вот, например, Роберт Эйдемман... Петр Исидорович познакомился с ним в шестнадцатом в Киеве. Всему 1-му Киевскому военному училищу было известно, что юнкер Эйдемман пишет стихи... Ну и что? Теперь он командует 12-й армией... Комфронта Михаил Тухачевский, тот вообще, говорят, играет на скрипке!

Учится Аркадий Голиков, судя по всему, хорошо. Принятый на младшее отделение командиров рот, он заканчивает «Выстрел» по старшему, тактическому отделению. Во время учебы проходит короткую стажировку в должностях комбата и комполка.

17 февраля 1921 года в Политическом управлении РККА ему вручено удостоверение № 10294. «Дано сие Голикову А. П. (комбату), окончившему «Выстрел», в том, что он командирован в распоряжение Центрального Комитета РКП».

27 июня 1921 года в штаб командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского поступила телеграмма. Комвойсками 5-го боевого участка просил прислать на должность командира 58-го полка «нового, желательного партийного, с боевым стажем».

На телеграмме резолюция начальника штаба: «По согласованию с инспектором пехоты командировать из нашего резерва».

Справка адмтдела: «Первый кандидат — Голиков».

Инспектор пехоты, старый опытный военспец, честно служивший в Красной Армии почти с самого начала ее организации, ознакомился с личным делом кандидата. Свое мнение он изложил письменно: «Тов. Голиков не обладает широкими познаниями в военном деле, малоопытен, вряд ли сможет командовать полком при тех условиях, которые предъявляются в настоящее время».

Вечером документы легли на стол командующего. Постараемся догадаться, о чем думал М. Н. Тухачевский, рассматривая эти бумаги.

Прежде всего, наверное, подумал о 5-м боеучастке: северо-восточная часть Тамбовщины, леса, озера, болота. Какие части дислоцированы там? Автобронеполк, один батальон 558-го полка, артиллерийская батарея, военно-инженерный дивизион... Да, 58-й полк — основная сила участка. Инспектор прав. Такому полку нужен крепкий командир.

Раскрыл личное дело, поглядел послужной список Голикова. Но здесь вроде все в порядке. Петлюровщина, Западный фронт, Кавказский фронт, «Выстрел»... Командовал ротой, батальоном, полком... Правда, запасным и недолго... Сводный отряд... Сводный? Да, пехота, кавалерийский эскадрон, два орудия... Год рождения... Ах вот оно что!

Тухачевский улыбнулся, снова придвинул к себе заключение инспектора пехоты. Нет, не смог этот вежливый и воспитанный человек заставить себя попросту написать, что считает Голикова слишком молодым для занятия столь ответственной должности. Постеснялся доложить такое командующему, который сам в двадцать пять лет возглавил армию, а в двадцать семь — фронт.

Тухачевский вышел из-за стола, привычным движением, заложив два пальца под ремень, отправил гимнастерку.

Революция! Она действительно творит чудеса. Иероним Уборевич стал командармом в двадцать четыре года. Ивану Федько было двадцать один. Павлу Павлову тоже еще нет тридцати. Все они сейчас здесь, на Тамбовщине.

— Пригласите к прямому проводу комбоевучастка шесть! — приказал он.

Если молодость для назначения не помеха, то уж во всяком случае и не основание.

Застучал старенький аппаратик «Бодо», поползла телеграфная лента. «У аппарата Павлов... У аппарата Тухачевский. Здравствуйте, Павел Андреевич. Аркадий Голиков на вашем участке. Доложите мнение...»

Может быть, все происходило иначе. Как теперь узнаешь? Но осталась решительная, чуть наискользящая резолюция Тухачевского: «Заготовить документы».

30 июня 1921 года Аркадий Голиков докладывал в штаб из Моршанска, что в командование 58-м полком вступил. В списках полка значатся 2879 человек.

Полистаем приказы, боевые донесения.

«Конная разведка 58-го полка в с. Байловка встретила с бандой Дегтева в числе 70 человек... Благодаря крутым, а местами болотистым берегам реки Кошмы догнать бандитов в конном строю было невозможно. Разведкой захвачена 21 лошадь с седлами. Преследование продолжается...»

21.11.1918
 В Комитет партии
 коммунистов
 Прошу принять меня
 в Арзамасскую органи-
 зацию Р. К. П.
 Буду готов за меня
 тов. Тютин.
 Дашка В. В. Иванов

«По сведениям войсковой разведки в районе села Хмелино оперирует банда Коробова — Попова численностью до 300 всадников... В случае обнаружения банды, не дожидаясь особых приказаний, немедленно атаковать ее и уничтожить».

«В районе Амелино столкновение с бандой Попова — Коробова в числе 100 сабель...»

...Бежал и был убит Антонов, угасала антоновщина. Выходили из лесов обманутые крестьяне.

Из приказа № 74 по 5-му боевому участку.

«В целях оказания помощи советским хозяйствам в своевременной уборке урожая приказываю: командиру 1-й роты 58-го полка и комзвода 8-й роты того же полка оказывать полное содействие зав. совхозами № 3, 4... При выделении вооруженных команд командирам частей строго учитывать обстановку на вверенных им участках, отнюдь не ослабляя боеспособности в частях, дабы не было ущерба в выполнении и возложенных на вас оперативных заданий...»

ВРИО комвойсками 5-го участка
 Голиков.

Временно исполняющий обязанности командира боевого участка — самая высокая должность из всех, которые довелось Аркадию Голикову занимать в Красной Армии.

...Гражданская война закончилась. Но и после ликвидации антоновщины Аркадий Голиков воевал еще долго. Сначала добивал белые банды в Тамьяно-Катийском кантоне Башкирии. Потом в Сибири, в Хакасии, на границе с Тувой, гонялся со своим отрядом за бандой бывшего колчаковского унтер-офицера Ивана Соловьева.

Это сейчас звучит красиво, даже романтично: командир полка в шестнадцать лет. Но стоит задуматься, какая тяжесть ложилась на плечи такого командира. Он стал им, когда Красная Армия только формировалась.

«Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боепо-

собности — вот внешний вид Красной Армии до осени 1918 года», — вспоминал Тухачевский.

Три года Аркадий Голиков командовал, отдавал приказы, посылал красноармейцев в бой, может быть, на гибель, и вескость его приказам давал не только новый Дисциплинарный устав, но прежде всего личный авторитет командира. Каково заслужить, удерживать такой авторитет, если подавляющее большинство подчиненных старше по возрасту, а многие так и просто годятся в отцы?

«Дорогая сестренка! Никто еще в хандру впадать не собирается, хотя мне и приходится уехать на месяц в Физиобальнеотерапевтический институт в Томск.

На днях был созван консилиум, и врачи определили: истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией...

Я-то сам знал об этом уже давно. Через три дня уезжаю.

Аркадий».

...Осенним утром двадцать третьего года в Москве, в Лефортове, из ворот старинной военной больницы вышел человек в длинной кавалерийской шинели. Листья в садике напротив госпиталя уже пожелтели, ветер срывал их с деревьев, бросал на трамвайные рельсы. Поправив на плече небольшой вещевой мешок, человек зашагал по улице вниз, к Яузе.

В кармане его гимнастерки лежал аттестат № 10079.

«Дан сей от 1-го Красноармейского Коммунистического госпиталя б. комполку Голикову в том, что он при сем госпитале удовлетворен провиантским, приварочным, чайным, табачным, мыльным довольствием...»

В вещевом мешке Аркадия Голикова вместе с мылом, табаком и сменой белья лежала толстая в линейку тетрадь. На первой странице в правом верхнем углу нарисована звездочка. Ее лучи наискосок падают на слова «В дни поражений и побед».

Отныне так будет всю жизнь.

За годы эти произойдет многое. Аркадий Голиков станет Аркадием Гайдаром. Вновь, как в гражданскую, исколесит страну. Будет веселым и грустным. Одержит победы, потерпит поражения... Но над каждой его рукописью, большой или малой, и всегда в правом верхнем углу неизменно появится такая же красная звездочка, как бы освещающая и согревающая исписанные им страницы.

Константин Федин вспоминает:

«В 1925 году в редакцию ленинградского альманаха «Ковш» пришел высокий и очень статный молодой человек, светловолосый, светлоглазый...

Он положил на стол несколько исписанных тетрадок и сказал:

— Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали...

На вопрос, писал ли Голиков что-нибудь прежде, он ответил:

— Нет. Это мой первый роман. Я решил стать писателем.

— А кем вы были раньше и кто вы теперь?

— Теперь я демобилизованный из Красной Армии по контузии. А был комполка».

Раньше был комполка — понятно. Решил стать писателем — тоже понятно. Но кем же он был вот